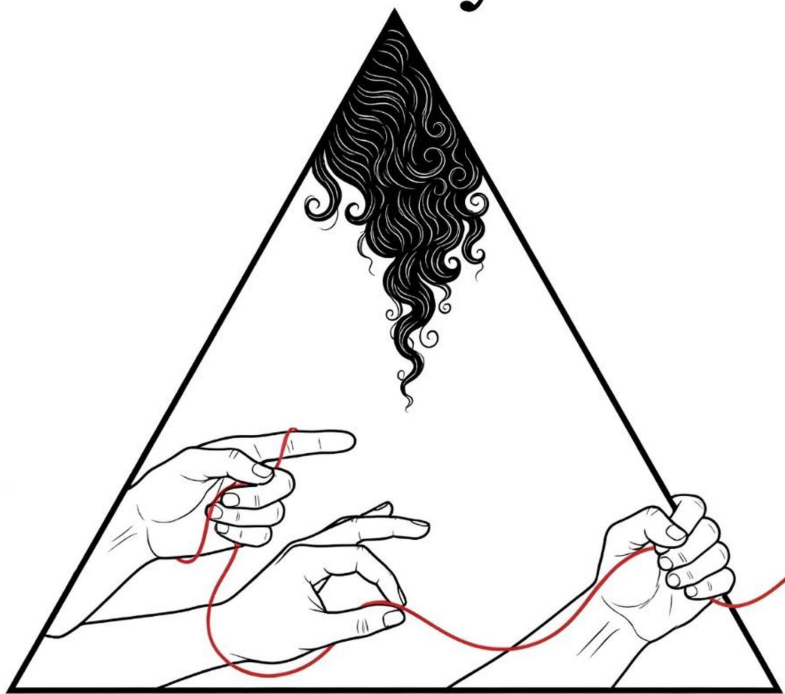

Саймон Ту Лейт

Остров Гул

Дэн Варлашин Саймон Ту Лейт: Остров Гул

<https://litres.ru/74375504>

SelfPub; 2026

Аннотация

Прошло 4 года с момента, как Саймон, молодой парень, лёг в кровать и лежал, не выходя на улицу. В моменте ему приходит письмо от незнакомки, в котором говорится, что они связаны "красной нитью" и что они обязательно встретятся. А красная нить, это же любовь! Но Душа, главный собеседник Саймона, внутренний его голос, говорит, что нельзя дальше лежать и ждать, пока любовь придёт к нему сама. Вот так, слово за слово, Саймон отправляется в морское путешествие, чтобы найти ту, с которой он связан красной нитью. И первый остров, на который он попадает, становится Остров Гул...

Содержание

Слова автора	4
Предисловие	6
Глава 1. Красная нить — холодные тысячи километров	13
Примечание	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Дэн Варлашин Саймон Ту Лейт: Остров Гул

Слова автора

Для меня эта книга получается первой, в которой я чувствую, что делаю её с умом. Сама книга не будет выделяться ярким сюжетом. Саймон — главный герой — всего лишь наблюдатель, и от него зависит то, какой мир вокруг него. Это суть моего стиля, который мне пришлось вывести, чтобы яснее изобразить мир и зависимость взгляда на него от самочувствия — сентиментальный реализм. Внутренний мир и состояние героя прямо отражаются на том, каким он видит мир вокруг себя. Большая часть текста построена на чувствах, эмоциях и ощущениях, а главным компаньоном моего героя станет его собственная Душа.

Суть книги не в острых ощущениях или невероятной фантастической истории. Это будет большая рефлексия и в своём роде медитация, вечно строящаяся на образах и символах. Главный герой не обязательно должен быть всемогущим, и таковым он и не является, хотя очень хочет быть таким. Книга написана как исключительный случай самовыражения

в таком необычном формате.

В самой книге присутствуют отсылки на культуру различных эпох и стилей. Каждая сноска здесь — это крупица из всего того, что вдохновило меня на этот текст и его сюжет. Прошу не удивляться, если список покажется Вам абсурдным по своему содержанию. Таков я — автор этого романа.

Немного о пунктуации и диалогах:

—Так пишутся фразы, которые произносятся вслух.

«Так, по большей части, изображается речь Души Саймона.»

>Так выглядят фразы Саймона, адресованные Душе.

И лишь иногда в тексте будет встречаться такое обозначение. Это глубокие мысли, идущие из глубин подсознания, и их не слышит Душа и никогда не услышит.

Все числа и цифры будут писаться словами по той причине, что в разговорах мы их произносим словами, видоизменяя по падежам.

И наконец хочу ещё раз повторить: суть книги — рефлексия. Книга будет медленной и будет оставаться такой.

(И да, автор осуждает употребление алкоголя и наркотиков)

Предисловие

—Да как ОН мог такое сделать?!

Опять они ругаются. Этот гул перекрыл мой сон. Эти богачи на улице кричали из-за газеты «Экспресс 28/13». Почему жёлтая пресса самая волнующая среди всех газет? Что, «Открытый Город» не такой хороший, да?

Чёрт, как же хочется спать да~альше, пока не...

«Пока не что, спящая красавица?»

Вот и голос, который мне кто-то вколол смеха ради.

«Шутка удалась, да?»

>Ой, заткнись уже!

Я тяну со всей силой одеяло на голову, пытаюсь вытащить его из-под моего сонного тела.

—Да не мог он изменить ей! Как вы не понимаете!

Опять они. Опять какая-то паскуда из мира «звёзд» что-то сделала, и теперь они как волки воют от удивления. Нашли ещё одну тушу для поедания. И на каком острове нашего Конгломерата это произошло? Тут больше пятидесяти островов! Зачем знать новости каждого?

Но куда уж мне! Я в этом совсем не понимаю! Вот звёзды с Мегги это настоящие люди, движущие мир вперёд! А тут так, шпана, играющая в детство.

Популярным быть трудно, и в этом я уверен.

«Ты даже денег не трогал! Ощути эти десятки тысяч врто

на руках, а потом думай о том, как это трудно!»

Не думаю что я давал согласие на то, чтобы моя — только вздумайтесь! — Душа, давала мне советы и комментировала каждое моё действие! Четыре года я уже живу с ней! Но есть и хорошие вещи: я был один все эти годы! Лежу тут, никого не трогаю.

«Тебе не надоело это всё? Постоянные мысли, философия... это так уже наскучило! Прекрати!!!»

Помню накрылся я одеялом своим, серым как пыль, шершавым как песок, и тяжёлым, как лист металла, и весь мир вокруг перестал меня интересовать.

Чёрт, вставать утром так трудно! Мне даже никуда не надо! Там холодно! Первый месяц осени.

«Купи одеяло.»

>Зачем?

«Я так сказал.»

Нет, не пойду. Мне не нужно на улицу. Там громко. Эти богатеи даже винил не слышат из-за своих криков.

«Знаешь где ещё холодно, мистер Деловар?»[1]

>Удиви!

«У тебя внутри! Ха-ха-ха! Там такая голодная дыра, ты даже представи не можешь. А я рядом с ней целыми днями! Хватит думать! Ты уже надоел мне!»

Четыре года — это около тысячи четырёхсот дней. И она всё никак не заткнётся. Но с неё началось всё: забытие, честные разговоры и та пустота.

Термин есть для этого — Обречённость. Ты что-то потерял, но не знаешь что и понимаешь, что не скоро найдешь потерянное или не найдёшь вовсе.

«И что ты потерял?»

>Совесь. Повесил её на люстре.

Кровать скрипит как самая ужасная мелодия мира. Тело тяжелеет, глаза липнут, и я подмигиваю кому-то как древний полководец после бессонной недели осады. Только у этого полководца нет славы.

От того одеяла пахло мною. Оно прирастало ко мне как гриб к дереву. Но извини, сегодня я дружу со своей Душой.

Часы отбили ровных восемь раз. Хорошее время для клёва рыбы, но рыбаки — там, а я — тут, сижу и считаю пылинки на полу. Солнце не грело, всего лишь освещало стены и пол, показывая мне слой пыли. Этот жёлтый поток льётся как чай. И о чае я думаю, смотря на свой честно украденный чайник. Пару тысяч ворто за узор самого Розенбарта это грабёж. Главное что он работает как чайник!

От него веет барбарисом, сладостью и пряностью, зеленью и Аlostью. Я вдыхаю этот вечный осадок барбариса и понимаю, что этому чайнику скоро конец. Но этот барбарис даёт мне возможность не чувствовать потерю одеяла на моих ногах.

Кипяточек, заварочка, и... М-м-м! Барбарисовый чай! Напиток Богов, вкус гурманов!

Глаза уже не так сильно липнут, но колет в боку из-за моей

позы для сна. Руки трясутся и я чувствую, как по мне течёт лава. Самый кипятилок, неостывший после свиста.

Под чашкой лежит письмо с самым странным содержанием. Какая-то девушка говорит о том, что я связан с ней красной нитью и что мы обязательно встретимся. Если бы всё было так просто, то я бы сейчас был в золоте, соболе да в парче!

«Саймон, ты ОПЯТЬ забыл про свою чайную традицию!»

>Сейчас, не кричи.

Я вдыхаю барбарис, немного открываю окно, пропуская прохладу в дом и...

—В Лаосе сегодня солнечно!

И включаю радио, по которому вещают погоду островов Конгломерата.

Глаза уже открылись, стужа бьёт по ногам и по стеклу чашки. Пока чай настаивается на холоде, я гляжу на морскую гладь: туман, серый как голод, лежит и мешает большим кораблям выйти в море. Одни лишь рыбаки на маленьких лодках в тумане как дома! Ещё одна чайка на моём корабле... точнее на позорной шлюпке. И ещё одно пятно, которое буду оттирать.

>Слушай, Душа, я тут подумал кое о чём.

«Забудь думать.»

>Встреча с этой загадочной незнакомкой предопределена, да?

«Да.»

>Так может мне сидеть дома и ждать её?

Душа молчит.

>Эй?

«Ты себя слышишь, лентяй? Сидеть и ждать даму, которая покорит твоё сердце?»

>Ну да. Хорошая идея, разве нет?

«И почему я душа именно такого идиота?»

>Ладно, ладно.

«Одолжения мне не делай!»

Я вышел к причалу. Моя шляпка с ироничным именем «Билет в вечность» стоит столько же, сколько я дома лежу. Над названием я очень постарался! Самый большой пафос в округе!

В моём чемодане лежало триста врто, ещё одна пара очков, которую я достал откуда-то, салфетки исключительно на всякий случай, расчёска, радио, пластыри...

>Да! Чай! Бар-ба-ри-со-вый! Любимый чай!

Я положил в чемодан очень много барбарисового чая! На одном из островов, где я был, барбарис рос кучами. И именно там я полюбил его запах, вкус и вид.

Последнее, что я положил — фотоальбом. Танцы, фото, пейзажи... чего тут только не было!

«У! Я знаю, чего там нет! Твоего довольного лица!»

Этот альбом я не открываю. Я жду свой самый чёрный день в жизни.

На этих фото, я помню, я был всегда один и никогда не

был с кем-то вместе. Помню лишь силуэт одной девушки, но это было так давно, что я даже не помню цвет её волос. Подобно пьяному художнику, встающему каждое утро только чтобы изобразить девушку из снов, я был его полной противоположностью. Я просыпался, пытался вспомнить её и изобразить не на холсте, а в голове, но не удалось ни разу. Единственное что держит меня с ней, это мелодия вальса. Не могу знать точно, но по-моему он назывался «Вальс падающей снежинки».

Больше нет. Больше нет.

Одиночество это хорошо! Но компания бывает лучше! И мне уж очень желательно найти эту девушку с красной нитью. Я проживу с ней самую счастливую жизнь!

Палуба корабля пыльная, местами мокрая и... какого чёрта тут лежат бутылки из-под пива?

«Так Вы у нас алконавт? Я поражён с Вас, мистер Ту Лейт!»

>Надеюсь я смогу обменять тебя на бутылку светлого. Это пиво будет началом моей новой жизни! И наплевать, что я не пью!

А названия все знакомые: «Красный командор» [2], парочка «Химер», «Щекль»... это действительно моё?

От горлышка «Красного командора» пахло бедностью, усилителями вкуса и сахаром. Приложив бутылку к носу, на нём осталось пятно от этого вина.[2]

Ай, без разницы. Стекло в пакете билось друг о дру-

га, неприятно звеня в ушах. От такого звона мои пальцы проснулись раньше, чем мне хотелось. Бутылки я собрал быстро, повязал мешок красной верёвкой...

«Красной.»

>Да, красной.

«Очень тонко, не все голоса в твоей голове поймут эту шутку!»

>Какие голоса? У меня только один, и это ты!

«Вот я эту шутку понял! Ха-ха-ха!»

В море вышли ещё одни рыбаки. Небольшой фонарь на берегу светил им, чтобы потом их не искали по всему морю.

—Эй!

Они повернулись ко мне или... или проигнорировали. В тумане не видно их голов.

—Дождь будет?

—Не будет!

—Спасибо! — крикнул я им в ответ.

Бутылки я оставил на причале. Может, кто-нибудь заберёт их, а может я сам их убери когда вернусь сюда. Если, конечно, вернусь.

Глава 1. Красная нить — холодные тысячи километров

Прошли сутки с момента, как я вышел в море в случайном направлении. Я попивал чай и ощущал колебания корабля от каждой маленькой волны. Из моего чемодана соблазнительно торчал фотоальбом.

Воспоминания были моим единственным ресурсом. Как я уже сказал, я открою его только в тот день, когда мне будет паршиво. Мне очень нравится поговорка: «Как станет хуже некуда, так и на лад пойдет». Временами я спрашиваю себя, не стало ли мне действительно «хуже некуда», потому что мне очень уж желательно, чтобы все наконец «пошло на лад». Ну да поживем — увидим...[3]

«Скоро ближайший остров? Или ты не следишь опять?»

>Снова ты!

И так каждый день я становлюсь всё более опустошённым. С каждой извилиной, с каждым граммом... и с каждым новым месяцем!...

«Да отстань, сверхлюдь, ты уже давно повесился.»[4]

>Чего?

«Прекрати философствовать.»

>Может ещё заткнуться мне?

Душа поставила пластинку «Вальс падающей снежинки».

Скорее всего, призраки смотрят на меня и думают: как ОН смог выйти в море?

А я отвечу: с милости Алости.

Даже если всё пойдёт на лад, то я этого не замечу. К тому времени я перестану считать дни.

Я так и не побывал там ни разу, но я **ОЧЕНЬ** хочу в Сахию — город на севере Мегаконтинента. Именно там жил человек, написавший этот прекрасный и ужасный вальс. Три четверти, обычная сорокапятка, гипнотизирует слушателя вроде меня.

«Следи за штурвалом. Хватит пить чай и размышлять о всякой несуразице!»

>Сдался мне этот остров?

«Сдался! А вдруг там ты встретишь свою ненаглядную?»

>А вдруг нет?

«А вдруг да?»

>А вдруг нет?

«Прекрати. Если не найдешь, то накопишь денег, построишь бордель или казино, где будет Блек Джек и шлюхи[5]. И всё! Не нужна тебе любовь! Ты в ней не продержишься.»

Я допиваю чай, встаю на эти скрипучие, как мои кости, доски и шагаю к штурвалу. Там, вдали, серый как табачный дым город на острове. Вкус барбариса остаётся на языке и немного обжигает губы, когда я их облизываю. Деревянную кружку я бросил к подножию штурвала.

«Туда нам надо!»

Ни одного яркого пятна! Всё такое ржавое, гнилое и... зернистое. Слишком выпуклое, что-ли.

Я схожу на причал этого острова, и понимаю, что ошибся с выбором. Но любовь — тварь игривая. Находишь её там, где её нет.

Доски скрипят как гусеницы танка, прорезая мне уши. Поздно разворачиваться — надо шагать вперёд. Даже если не найду свою судьбу с красной нитью, то хотя бы погреюсь от чужой земли. Это ведь не запрещено пока что, верно?

Театрально развевая плащ, на меня подул ветер с запахом копчёности. Я думаю, что даже мой чайник ярче, чем весь этот остров. Ощущение, что пьяный художник в порыве ревности забрал отсюда краски. Для чего? Чтобы рисовать возлюбленную из снов, кружащую вокруг него каждый день.

А зачем такому художнику возлюбленная настоящая? Он любит ту, что приходит к нему во снах и может в его фантазиях посидеть у него на лице как на стуле. Такой извращенец, выражающий безграничную любовь к выдумке в картинах.

«Фу, Саймон, ты бы хоть о детях подумал. Что за грязь? Стой, нет, не думай о детях. Я проникся твоими метафорами. Так держать!»

Я шагаю по доскам, и ноги всё больше коченеют. Когда я вышел из дома, я был уверен, что имею весомую цель, но сейчас мне реально страшно. Я не знаю, что будет дальше...

Чуть дальше от меня работали бедолаги с грыжами. Согнутые спины, красные лица, наколки, цирроз... «Поди туда,

неси то, не мешайся, не бухай». Вот такой тип работников. Быть как они? Нет, спасибо. Мне здоровье важнее.

Рыбная вонь вписалась мне в ноздри и висит на одежде каждого проходимца. Даже котам не нравится этот смрад, а это уже о чём-то говорит. Хотя некоторые тут смелые — лезут в вёдра за рыбкой-другой.

Я чувствую молочку: сыр, кефир, масло... фу! Рыба и молоко так тошнотворно синтезируются! Я реально сейчас блевану. Но, погоди, стой...

«И что ещё?»

Да! Это он! Алкоголь! Дешёвый, как шлюхи в моём выдуманном казино. Но боже мой — как же бьёт в голову. Аж ноги подкашиваются! Или... нет, это не из-за алкоголя. Это, оказывается, из-за страха.

Кучи вывесок и стендов, заманивающих покупателей. И чего тут, на прилавках, только нет! Всякие фантастические штучки, камни с неба, инструменты с орнаментом... чёрт!

>Розенбартовские. Как мой украденный чайник.

«Стыдно, да?»

>Ага, конечно.

Со стороны самого длинного причала послышался командирский голос. Строгий, как правила обращения с кирпичом, и громкий, как падение этого кирпича с высоты на голову коллеги. Там стоял мужчина в плаще цвета торфа.

—Недоумок, я твою мать в парк водил! Куда несёшь?!

От его корабля пахло этой самой молочкой, а от самого

командира веяло керосином, ванилью и можжевельником.

— Да, ты! Знаешь, что твоя мать сказала мне утром, когда я уплывал? А вот не скажу — сам узнаешь!

Из кармана он достал золочёную зажигалку и пачку сигарет «Фánатос»[6]. По-моему, это переводится как «Смерть».

«О, так ты у нас полиглот!»

Он поджёг сигарету и крепко затянулся. Табачный дым шёл косматыми комьями, танцуя сиесту. Я не слышал ничего, и не видел никого, кроме дыма. Потом капитан глянул на свой безымянный палец, постучал по кольцу и улыбнулся своему отражению. Он засиял так, что от улыбки выдохнул струйкой весь дым!

Он скучает по кому-то? Впрочем, неважно. Но колит где-то из-за того, что он такой довольный! Моя тоска? Моя скука? Чёрт его знает.

— Сер! Мы всё погрузили! — ответил один из команды этого Торфа.

— Прекрасно, парни. — он пустил кольцо дыма над собой. — Отдыхайте.

Немногословный и довольный. Но второе важнее!

— Через неделю отъезжаем, так что кого не будет — оставлю тут без размышлений. Поняли?

— Да, капитан! — крикнули его морячки и разошлись в стороны.

Сам Торф — да, пока что буду звать его так, — не торопясь, едва отрываясь от разглядывания своего корабля, по-

вернулся и увидел меня. Положив сигарету за ухо, он подошёл ко мне, разглядывая одежду. Я разглядел надпись на его рубашке: «S. Of Haze». Какая-то богатая компания, видимо.

Его парфюм, креозотный и сладкий одновременно, перебивал все прочие запахи.

—Ты выглядишь как человек, бегущий за мечтой. Не знаю что у тебя в голове было, но это не тот остров, где ты исполнишь мечту. — его голос был полон правды. Я хотел верить ему, но красная нить бесконечно длинная, и, возможно, сейчас она длинной всего тридцать километров, а может и все пару тысяч.

Он засунул руки в карманы своего плаща. Я сделал как он, так как холод бил по моим костяшкам, покрывая руки тонким слоем холодного снега и льда.

—Шлюп твой?

Я с позором кивнул, чувствуя, как кровь пробивает мне капилляры. Я согреваюсь из-за стыда за такой маленький корабль.

—Или ты самый несчастный мечтатель, либо не мечтатель вовсе.

Достав из уха сигарету, он присосался к ней, пока она тлела, и выдохнул тошнотворный дым в сторону.

—К чёрту жить. Существовай.

И не спеша зашагал в бар, откуда несло копчёностью и сильнейшим бурбоном.

Он шёл так медленно, что видимо уже в голове пред-

ставил, как он заказывает пинту пива и залпом выпивает её, крича что-то невнятное разливайке у стойки. Как же он быстро переключился с ругательств экипажу на удовольствие от будущего алко! Мне бы его рычаг переключения настроя, тогда бы мои мысли были бы более контролируемы. Я завидую ему самой красной и белой завистью этого мира!

«А ты бы смог терпеть такое к себе? Делаю ставку что нет.»

>Я бы не пошёл продавать здоровье на монеты, которых хватает только на пиво.

«Поверь, в нашем обществе ты свои принципы сдашь на чермет, а потом и свою жизнь туда же закинешь. Не нужна нам свобода, если мы её продаём. Нам нужна тяжёлая рука. Стране нужна...

>Да, знаю. Стране нужны паровозы, нам нужен металл. [7]

«Не туда меня потянуло. Так вот, нужны будут деньги, ты и не такие ящики таскать будешь ради полочки.»

>Не дай Бог!

Чтобы мысли моей превосходной Души остановились, я продолжил прогулку по этому маленькому порту. Здешние корабли были действительно дорогими по сравнению с моей шлюпкой, зато названия у них были не такие ироничные! Съели, да? Корабли Пивзавода Звездоловов! Попробуйте придумать что-нибудь такое же смысловое!

«Зачем их кораблю ирония в названии, если им нужна

суть для внятной торговли?»

>Дай порадоваться такой маленькой победе!

Ни одна торговая империя не будет такой же смешной обывательскому уму!

Но что-то я отвлёкся.

Среди моряков я видел тех, кто не должен здесь находиться. Висперсы, старые враги Конгломерата. Что они сделали? Хм...

«Ну?»

>Ну...

Я забыл. Я не думал, что моя амнезия вычеркнет такой важный эпизод из моей головы.

«А ты что хотел? Четыре года застоя головы в мире. Да ты отстал от жизни, товарищ. Пора бы вклиниться в новый мир!»

>А я в новом мире не собираюсь зажигать. Я буду лишь зрителем издалека.

«Как скучно.»

>Свободен быть палачом или жертвой, только бы не героем, крысой и стукачом[8]. Так что ничего не знаю.

«Это действительно скучно. Боюсь, когда ты найдешь свою ненаглядную, то она уйдёт от тебя, заскучав на очередном свидании.

В чём-то она права, но пускай закроет свой рот.

Висперсы вроде как враги Конгломерата. Что-то давно было... Но я вижу их эмблему — пламя снизу и четыре кры-

ла, символизирующих две птицы в этом огне. Знать бы, что это значит...

Я перешёл проезжую часть от порта в сторону каких-то трехэтажных домов. Не знал, что в мире начали строить такие высокие панельные домики. У меня на родине всё ещё два этажа максимум. Мне было без разницы что это за дома, тем более они ещё были окружены высоким забором. Мой метр семьдесят два смотрит на эту высоту с неподдельной завистью.

На тротуаре находилось пару ларьков. В одном из них валялась сплошь беллетристика современных авторов, думающих, что они строят новый мир или переосмысливают его, а на самом деле они просто создавали один и тот же цикл развития героя, меняя имя и окружение. Герой не всегда должен быть самым сильным в мире, поймите это наконец. Тут же эта жёлтая газета «Экспресс 28/13» о жизни звёзд и их очень трудно жизненном пути, в котором их родители покупали им известность за счёт своих денег. И люди действительно это берут.

Но что было интереснее, так это телефонная будка. Ржавая как гвозди на кресте... а, впрочем, не буду сравнивать. Вероучения Старого Света нынче не в почёте. Работающий кассетный телефон и трубка, в которую говорил мужчина. Он что-то тараторил и очень торопился.

«Подслушай что он говорит.»

>Это некрасиво.

«Не глупи. Кто тебя осудит?»

Она права. И мне самому очень интересно.

Я подошёл поближе, встал у металлического пешеходного ограждения и слушал, пока мотокары не ездили рядом.

—...дорогая, я тебя тоже очень люблю, но я работаю!
Фух!

Он тяжело дышал. Я не видел его лица, но судя по мокрой рубашке, он действительно быстро бежал к этой будке чтобы созвониться с любимой.

—Да! Да, я помню что это уже второе пропущенное день рождения дочери. Подожди! Не перебивай! Я? Нет, я не кричу!... А что я могу сделать? Мне сказали работать, я работаю.

Он глубоко вздохнул, задержал воздух в лёгких и плавно выдохнул чтобы восстановить дыхание.

—Что? Могу не приезжать?! Нет, стой! Не смей! Мари, остановись! Мари! Мари! Чёрт! — и со всей силой ударил по телефону. Послышался стук монет друг о друга. Трубку он не повесил, выбросил из рук, и она качалась из стороны в сторону как маятник.

Закрыв ладонями лицо и присев на корточки как мог в меру своего костюма, он вздохнул, издавая скуляще-сопящие звуки. Его грудь вздымалась и тряслась, но один глубокий вдох, быстрый выдох, и он вышел из будки, вытирая рукавом пиджака слёзы. Он не смотрел на меня, стоящего у самой будки, а лишь прошёл чуть в сторону и посмотрел на море. Он глядел на отплывающие корабли Пивзавода Звездоловов,

на котов, дерущихся за рыбку, на вечную и тихую гладь моря и понял, что он проиграл. Он стоял неслышно, а вокруг него шли люди, перешедшие дорогу в том же месте где и я, идущие в эти трёхэтажки или по ступеням к ЖД Вокзалу, и проезжали мотокареды, гудя друг на друга и ища людей, которых надо куда-нибудь подбросить. Он был как камень в течении воды.

И стоял он так долго. Руки его не дрожали, но тряслись мои ноги. Я присел, облокотившись спиной к ограждению, и смотрел на него. Он закрыл глаза и старался запомнить этот момент на уровне звука. Далее он взял чемодан из будки, поднял и повесил трубку и спешными шагами помчался к ступеням ЖД Вокзала.

Я понимал, что он хочет сделать, поэтому сжав кулаки так сильно, как мог, я вонзил ногти себе в ладони, чтобы собрать остаток сил и пойти за ним.

«Куда ты идёшь, дурень? Ты думаешь, что ты его остановишь?»

>Я думаю, что он не сделает этого, если вокруг него будут люди.

Я схватился за холодные металлические перила. Я не мог удерживать себя, ноги дрожали как бешеные, а руки не хотели меня слушать. Я присел на первую ступень и решил отдышаться. Этот мужчина поднялся к кассе и брал билет, ища кошелек. Ноги отказывали в том, чтобы я их ощущал. Одной рукой я взялся за грудь, а второй за первую руку. Кто-то на-

учил меня этому, чтобы я мог не чувствовать себя одиноко в такие странные периоды. Спасибо тебе, неизвестный мне человек.

«Ты не сможешь.»

>Да мне по боку. Я хочу, чтобы он не делал этого на людях. Хотя бы при мне, а как максимум, при других пассажирах.

А на небе чайки. Я сидел и глазел на их полёт над вокзалом. Видел их грацию, а вспоминал строки одного поэта. Вроде он отсюда, а вроде с Меги. «У меня три патрона: первый в осеннее небо Грей Бинга; третий, в кармане, для Бога; второй, как выходит, для меня»[9]. Эта цитата сейчас играла невообразимой силой, учитывая, что сейчас эта самая прохладная осень шла маршем по этой почве. Что до поэта, так я его не помню. Лишь ассоциация его лика и свободных чаек. Он — призрак в моей голове, без имени, лица, но со своим творчеством и историей жизни. И теперь не имеющий ничего, кроме смерти. Но он связан с чайками в моей голове.

Наш деловой дядька уже взял билет и поспешил к перрону, ждать поезд. Я, дрожа, встал, от страха, что он это делает. Дурное ощущение давило мне шею, я тяжело дышал. Мне было плохо. Нет. Мне лучше, чем когда-либо. Помню ли я себя?

«Возьми себя в руки, сопляк!»

Она права. Я иду по её приказу, как верный Богу Войны солдат. Я бреду по ступеням и крепну, с каждым сделанным

шагом, в который вкладывал все свои силы.

—...двадцать врто.

Я оглох на мгновение, но понял, что имел в виду кассир.

—Да. Хорошо.

Я достал эту монету, рука двоилась в глазах, монета трюилась из-за размера. Кассир в обмен дал мне билет и пустил на перрон.

>Зачем я тут?

Всё шло туманом. Беспросветным косматым туманом. Было холодно. Я не видел его. Я дышал. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох — чёрт его возьми! Сколько времени?!

Дрожь была по всему телу. Моя кровь бежала всё медленнее и медленнее. Кто скажет, сколько времени? Я старался сжимать кулаки. И мне удавалось. Волнение било по голове. Он прыгнет. Пожалуйста, не надо. Я как приклеенный стою и надеюсь, что ты не прыгнешь. Твоя боль велика. Я чувствую её. Я проникся ей. Не надо. Не делай. Вокруг люди, не пугай их, прошу. Мир стал чёрным и белым. Белым и чёрным. Он был ужасным фильмом.

А он стоит, что-то отбивает левой ногой. Ритм, как барабаны в песнях новых рок музыкантов. Новая эпоха, рок и пиво. Безмолвие и кровь. Надо взять себя в руки.

>Душа?

Она молчит. Ни голоса, ни шороха, ни даже удара под дых. Я хочу кого-нибудь услышать.

>Не молчи!

Каждый вдох я брал у Алости взаймы. Поезд будет в тринадцать тридцать семь. На мне нет часов. Я не могу сказать, сколько осталось до его прыжка.

«Саймон! Ответь. Мне. Срочно. Ты слышишь?»

Я услышал её. Мир вокруг начал возвращать цвета.

>Да, слышу.

«Что это было?»

>Переволокновался.

А мир такой цветной. И бедолага стоит, ждёт.

«У тебя это давно?»

>Эффект при волнении?

«Да.»

>Я не знаю, я впервые это ощутил.

Душа замолкла. А наш мужичок стоял, глядел на руку, на кольцо и дышал как-то отрывисто. Он знал. Но я — нет.

«Найди часы. Я хочу знать, сколько у нас времени.»

>Времени? У нас мало времени. Ни у кого нет много времени. И в настоящий момент мы ничего не можем с этим сделать.[10]

«Ты хочешь сдать? Перестать сопротивляться? Ты только что из-за этого мужика чуть в обморок не упал из-за волнения, а теперь говоришь МНЕ, что у нас мало времени? Ты дружишь с головой?

>Мы не можем ничего поделать с тем фактом, что у нас мало времени.

«Но ведь ты не собирался помогать ему, да?»

Я молчал. Она была права. Я просто не хочу, чтобы он прыгал. Я не понимаю зачем я за ним пошёл, ведь я мог просто не узнать этого. Иногда я действительно не отдаю себе отчёт в своих действиях.

«Ты — самый больной человек из всех, кого я видела и слышала.»

Часов не было нигде. Ни на стенах, ни на рукавах других людей кроме его руки.

«Потревожь его. Может он очнётся и передумает.»

Я подошёл к нашему бедолаге.

—Из-з-звините, пожалуйста, — заикался я, обращаясь к нему.

Он посмотрел на меня. Его глаза горели словом «СЛОМАНО». Мне стало ещё хуже, его глаза давили на меня, мне стало ещё холоднее. Во рту у меня пересохло.

—С-с-сколько врем-м-м-мени?

Он показал на часы.

—Сломались, — тихо ответил он. Я слышал его голос. Он не дрожал, он был ровным как рельсы.

—Хорош-шо, простите.

Я отошёл от него и упёрся о столб.

Тиканье било по моим мозгам. Воображаемый громоздкий маятник отбивал чёткий ритм, в который плавно входили барабаны. Ощущение свободы от времени, полная непричастность к течению. Вне потоков часов и минут! Люди вокруг связаны нитями. От каждого идёт нить разных цветов:

розовые — как любовь, чёрные — как ненависть, жёлтые — как болезнь, красные — как та, что ведёт меня... и всегда в разные стороны! И от меня идёт красная, я вижу её! И она тянется куда-то далеко и высоко. Дальше горы в центре острова, за тысячи километров, и она светится, и это прекрасно! Эти люди шумят, им не важен человек, способный прыгнуть, и им не важны нити. Они есть друг у друга, но у меня такого человека нет, и теперь этого человека нет у того, в деловом костюме на краю перрона.

Через турникет вошёл ещё один человек. Он старался отдышаться, но выходило с трудом из-за его круглой формы тела. Тоже костюм, тёмный как кофе, и рубашка с подписью «S. Of Haze» на нагрудном кармане. Говорил быстро на каком-то своём наречье. Я буду ради своего удобства в голове называть нашего бедолагу Телефонистом.

«С воображением у меня всё плохо.»

Телефонист глядел в сторону приходящего поезда. Он уже подъезжал, и его стук было слышно. В его голове был апокалипсис. Был бы он полицейский, то он был бы единственным в своём роде копом апокалипсиса, предвестником всего ужасного и в частности конца всего живого[11]. Он был не тут, а где-то далеко.

Ко мне обратился тот запыхавшийся в рубашке от популярной компании.

—Мсье, сколько времени?

Я показал свою левую руку.

—Извините.

Он как-то проямлил это и пошёл дальше.

Всё упирается в наше ненасытное чувство того, что мы теряем время постоянно. Мы стараемся быть полезным во всём. Мы стараемся быть в курсе всего и молча всасывать.

Но тихое ожидание поезда. Настолько тихое, что я, возможно, услышал бы помол пшеницы или разгорание костра. Кипение супа на полевой кухне. Листва и сбор мяты для сигареток...

А вокруг — если задуматься — дух времени, витающий вокруг нас. Он ласкает каждую поверхность ежемоментно. Он ведёт всё материальное сквозь свой мир каждый момент «сейчас»!

Ай!

Гудок пробил мой слух. Я оглох на секунды, но их было недостаточно, чтобы потеряться. Локомотив ржавый, как гвозди того забора у будки. Фонарь только один, почему-то включённый. К дождю?

«Саймон!»

>Что?

Я не успел. Он упал на рельсы, и проезжающий поезд проехал по бедолаге. Я хотел крикнуть, но его боль сдавила мне горло. Когда локомотив остановился, из него выбежал машинист и его помощник.

—Босс, тут...

Слова летели моему сознанию вдогонку. Я оглох. Лился

свет туда, куда он прыгнул, из рук машиниста. Я не мог отвернуться. Я не мог шевелиться. Или почти мог.

«Саймон, ответь...»

Привет! Слышишь морскую песню? Да, ту, что исполняет Синяя Тишина. Ах, если бы он погиб в море... Храни его, море.

Вау! Здесь ТАКАЯ красивая вереница царапин на кирпичках! А осколки... Скобы на столбах это созвездия! Каждый уголок это звезда!

«Эй!...»

Ветер! Он меня убьёт! Уберите холод! Я не готов к смерти! ХВАТИТ!!! Вокруг нас акулы! Это бриз Морской Тишины! Акулы, черепахи и змеи! Хватит!

Это так смешно! Я слышу «Вальс падающей снежинки»! Ты дрожишь, как старый мотор. Ты холодеешь, как снежный человек! Снеговик! Я — снеговик! Ха-ха-ха!

Это не смешно! Мне холодно! Песок времени на коленях пробирает до нервов! Это ужасно!

Голос. Тут голос.

«Ответь, Сай!...»

Послушай песню нашей веры! Октобас, бьющий по кузне твоих дней. А из неё вылетает нить, градиент фиолетового и жёлтого. Ты знаешь что это за цвета?

Это время. Дух времени, что ласкает мир — фиолетовый и жёлтый. Это цвета времени.

*Алость творит дни. Но за них приходится платить кро-

вью. Да, кровь. Иногда целая жизнь. Но оно должно быть красным. Это твоя вера, мужик. Держись за неё.*

Его довёл быт! Безмолвие убивает! Этот остров наполнен фальшью!

Я помню теорию. Нет, не помню. Я сомневаюсь, что что-то знаю. Я глуп, но мне нужен кто-то, за кем я пойду. Я хочу учиться.

Я среди берёз! Где-то между Высшим Небом и Серым Бы!

Я должен почувствовать самую чёрную эмоцию. Ту, что не имеет света. Она должна быть цвета вантаблэк[12]. Не меньше.

Голос.

«Саймон! Ответь! Я тут, слышишь!...»

Чего ты хотел от такого острова? Твоя нить даже не здесь. Она дальше. Уходи отсюда, здесь тебе делать нечего.

Меня взвеют над облаками! Виселица, да! Я там же, где Левифан! Без крыльев я там, где все крылатые!

Сложно лишь тем, кому не умирать.

Хватит! Возьмите себя в руки! Кто мог знать, что тут будет ТАКОЕ?! Впечатление испорчено. Но надо остаться тут.

*Сладкий шум вокруг! Поезд? Или мой крик? Где мой рот? Шум внутри? Я чувствую мир вокруг и вижу его цветами. Серый в красный. Красный в белый. Белый в чёрный. Чёрный в серый. Циклично. Линии чертят каждый предмет

вокруг меня. Я создал мир, или он меня? А может я и есть поезд? Вдруг Телефонист это я?*

Пожалуйста, заметь голос. Возьми себя в руки.

И я, дрожа как от сильного мороза, открыл глаза. Свет лился под рельсы.

>Душа?

«Да! Ты тут! Ты где был? Внутри тебя стало ещё холоднее. Я чуть не умерла.»

Холод продолжал бить меня своей ладонью по лицу. Я начал возвращаться из этого состояния «выпада». Чужая боль, как оказалось, сильный яд для меня.

Я моргаю чаще, чтобы восстановить зрение. Люди бегали вокруг поезда. Жестокость — самый сладкий интерес. Кровь шла быстрее. Я будто вывалился из времени.

>Прости, что так вышло.

«Ты серьёзно будешь извиняться перед Душой?»

Я был духом времени, но мир не был фиолетово-жёлтым. Прошла вечность, и Я слышал прибой целого мира! Мир сам знает, что дальше будет с ним. А мы, люди, боимся лишь одного — если дух всего мира ответит. Мы не поймём, что он скажет, но поймём, что назад мосты обвалились и брёвнами торчат в глазах [13].

Ноги меня не слушали. Они трещали и скрипели. Пуль в карманах нет, я знаю это, но по какой-то причине проверил. Там пусто и холодно.

Машинист, ругая каждого кого видел, зашёл в свою каби-

ну. Дух мира был бы оскорблён такими словами! Он бы не простил нас!

Каменный перрон связал мои ноги лозой и не отпускал. Я хотел шагнуть, зайти в вагон, и лозы разошлись по кирпичам, чтобы я зашёл в вагон.

За мной заходили люди. Они не знали всего горя этого бедолаги, в отличие от меня.

Я сел в конец вагона, чтобы видеть всех! Названия книг, марки, бирки, порезы... Вот! Книга Фреша Деймоса, зовётся «Злой божок внутри».

«Твоё сердце колотится как бешеное. Ты как машина, работающая на боли. Всё в порядке?»

>Да! Всё хорошо!

«Ты доиграешься...»

>Спокойно! Всё действительно хорошо.

«Врёшь! Хватит врать!»

Душа продолжала верещать, но я позволил себе наглость проигнорировать её. Должен же я быть плохим. Хотя бы пока этого никто не видит.

Поезд тронулся, и повёз меня. Там, в степи, работают люди, косят траву и рубят деревья. Холодный воздух, хотя уже примерно два часа дня, бил по лицу через открытую форточку.

«Как думаешь, что в голове той дамы? С книгой. Несвойственно людям читать про зло, всё же вера в чудо, надежда и прочие позитивные вещи...»

>Оглянись! Нет чуда! Люди похоронили его, и теперь ищут новую жертву.

А вот старик например. Кожа в пятнах, чемодан облезлый из кожи, на нём макро островов и стран, где он побывал. Зима, снег и гирлянды; танцпол, колонки и яркая одежда; высокие дома, серость и верёвки; чёрные цепи, лебеди и розы... и ещё куча марок!

А были ли у старика в молодости пули?

А я даже не могу вспомнить чьи-то волосы. Чую запах цитрусовых духов, тепло ладоней... Нет! Нет-нет-нет! Как я тогда ошибся, как наказан! [14]

«А что ты совершил?»

>Не знаю, но что-то точно сделал. Я помню что провинился перед ней. И меня тяготит то, что я тогда сделал. Добрая амнезия частично удалила воспоминания.

Вместо памяти у меня дыра, голодная как космос. И подобно космосу она поглотила всё.

Цитрус не даёт нитей, чтобы вспомнить её. Он якорь. И я вспомню о ней ещё что-нибудь. Когда-нибудь.

Я потерял больше, чем мог теперь знать. Любовь? Наверяд ли. Она жгла огонь, а я... чёрт, а я забыл. Самая несмешная шутка от вселенной.

Примечание

[1] Деловар — отрывок из книги «Записки старого козла» Чарльза Буковски: ...в башке постоянно звучала одна и та же песенная фраза: «осторожней, мистер Деловар,

Берегите навар...»

[2] «Красный командор» — предмет из игры «Disco Elysium»: «Большая малиновая бутылка дешевого сладкого вина. Изготовлено из бедности, сахара, искусственных усилителей вкуса — и смутных воспоминаний о винограде. Гарантированно окрасит ваши губы.»

[3] Отрывок из письма Винсента Ван Гога. Гаага, 8 февраля 1883 года.

[4] МБ Пакет — «Алиса в стране»: «Я вас всех презираю, ненавижу, и себя ненавижу и с каждым новым месяцем...»
«Да отстань, сверхлюдь, ты уже давно повесился»

[5] Цитата Бендера из «Футурама»: «Я построю свой Луннапарк, с Блек Джеком и шлюхами!»

[6] греч. «Θάνατος» — смерть

[7] Маяковский, «Вы любите розы?»

[8] макулатура, Слава КПСС, Ваня Айван — «10 мая»

[9] Перефразированные строки исполнителя Эхопрокуранныхподъездов — «Триггер»: «У меня всего три патрона:

Первый — в октябрьское небо Берлина

Третий — в карман, на попозже, для Бога

А второй — конечно, себе»

[10] Фраза из последнего диалога Рихтера и Ричарда из игры «Hotline Miami 2: Wrong Number»

[11] В «Disco Elysium» есть варианты ответов так называемого «Копа-апокалипсиса», на тему того, что через какое-то время всему миру придёт конец, и мы всё ближе и ближе к нему и не замечаем этого.

[12] Субстанция, способная впитать 99,965% света.

[13] Эхопрокуренныхподъездов — «Честерфилд»

[14] Письмо Онегина к Татьяне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.